

ЕЛИЗАВЕТА КОНДРАТЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

**Проблема терминологического разграничения понятий «утопия»,
«дистопия» и «антиутопия» в западном и российском
литературоведении.**

Keywords: utopia, anti-utopia, dystopia, genre, terminological differentiation.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, дистопия, жанр, терминологическое разграничение.

Abstract:

This paper considers the issue about terminological differentiation of the concepts “utopia”, “anti-utopia” and “dystopia”, studies genre parameters of the declared phenomena. Interpretations of this concepts in Russian literary tradition (on the basis of works by B. Lanin, V. A. Chalikova, A. A. Dydrov) and in Western literary criticism (researches by G. Clayes, A. Aldridge) were studied and compared. Based on the studied material our own statements about genre and terminological differentiation of the concepts “anti-utopia” and “dystopia” were defined. During the research it was consistently shown that anti-utopia is a parody, derision and/or deformation of utopian ideals while dystopia is a depiction of a frightening world in which an element of a catastrophe can be found.

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос терминологического разграничения понятий «утопия», «антиутопия» и «дистопия», исследуется проблема жанровых параметров заявленных феноменов. Сопоставлены интерпретации данных терминов в российской и западной литературоведческой традиции на материале научных исследований таких отечественных ученых как Б. Ланин, В. А. Чиликова, А. А. Дыдров, а также западных исследователей, например, Г. Клейса и А. Олдридж. На основе изученного материала сформулировано собственное суждение о жанровом и терминологическом разграничении понятий «антиутопия» и «дистопия». В ходе исследования последовательно показывается, что антиутопия представляет собой пародирование, высмеивание и/или искажение

утопических идеалов, в то время как дистопия является изображением страшного мира, в котором присутствует элемент катастрофы.

Вопрос о терминологическом разграничении понятий «антиутопия» и «дистопия» существует столько же, сколько и сами термины. На данный момент, к примеру, в литературоведческой среде отсутствует единое мнение относительно возможности синонимичного употребления терминов «дистопия» и «антиутопия» (при условии отсутствия доказательств того, что они действительно обозначают разные жанры) или же их четкого разграничения.

Вначале мы хотели бы изучить жанровые параметры заявленных феноменов и выявить их возможные сходства и различия. Далее мы планируем рассмотреть, как эти термины используются в отечественной и зарубежной литературной традиции. Задачей настоящего исследования является выявление различных точек зрения на проблему утопического жанра и его деривативов, чтобы сформулировать собственное суждение о жанровом и терминологическом разграничении понятий «антиутопия» и «дистопия».

1. История изучения вопроса и его актуальность

Как отмечает российский исследователь А. Ю. Смирнов в статье «Антиутопия в парадигме современного литературоведения», термин «антиутопия» активно использовался в научном обиходе начиная со второй половины XX в. (параллельно в научно-критической литературе в качестве синонимичных или близких по значению имеют хождение понятия «дистопия», «теодицея», «какотопия», «роман-предупреждение», «негативная утопия») (Смирнов 2005: 32). Данная терминологическая разноголосица в первую очередь оправдывается отсутствием общепринятого единого определения для термина «антиутопия», а также тем, что исследователи до сих пор не смогли прийти к единому мнению относительно происхождения этого литературного феномена. Активная стадия исследования антиутопии начинается только в 60-х прошлого столетия, однако, в качестве объекта научного анализа она привлекала внимание главным образом философов и социологов, рассматривавших ее в качестве

одного из проявлений феномена утопического мышления. А.Ю. Смирнов отмечает, что большинству работ периода 1960-80-х гг., рассматривающих проблему генезиса антиутопии, в той или иной степени была присуща определенная идеологическая ангажированность, в работах этого же периода антиутопию зачастую определяли как поджанр утопии (Смирнов 2005: 33). Также, в западном литературоведении ее воспринимали как литературно-художественный жанр, иллюстрирующий историческую несостоятельность коммунистического эксперимента, проводимого в Советском Союзе (например, статья Г. Морсона «Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр» (1991)).

Согласно устоявшейся на сегодняшний момент точке зрения, антиутопия представляет собой литературный жанр, в основе которого лежит негативное изображение вымышленного общества, воплощающего тот или иной социальный идеал (то есть утопическую идею). Из этимологических корней термина мы можем увидеть резкое противопоставление утопии и антиутопии (за счет префикса анти-), таким образом, мы понимаем, что в антиутопии присутствует неотъемлемый образ утопии. Кроме того, по мнению таких исследователей, как Э. Баталов, Б. Ланин, Г. Морсон, сущность феномена антиутопизма заключается в «принципиальном отрицании утопии и направленности его на дискредитацию утопического мышления вообще, а не только на полемику с утопической традицией в литературе и конкретными проектами, затрагивающими проблему социального идеала» (Смирнов 2005: 33). Однако отметим, что на данный момент в литературоведении полемика о жанровой природе антиутопии не закончена, и этим определяется актуальность нашего исследования.

2. Особенности употребления терминов «антиутопия» и «дистопия» в отечественном литературоведении

В российском литературоведении есть сторонники как объединения этих терминов, так и их четкого разграничения, что провоцирует развитие полемики по данному вопросу.

Сначала нам бы хотелось остановиться на работе В. А. Чаликовой «Утопический роман: жанровые и автобиографические источники

современных дистопий», в которой исследовательница выделяет «дистопию» в качестве самостоятельного жанра, который существует наряду с жанром антиутопии. По её мнению, «дистопия – это изображение “ещё несуществующего” социально-совершенного зла, система, логическая конструкция, убирающая все излишки и противоречия <...> В дистопическом романе зло выступает как чисто социальное, житейское и глубоко личностное». В то время как антиутопия характеризуется избобличающим пафосом несостоятельности утопических идей (Чаликова 1985).

Однако в статье Б. А. Ланина «Анатомия литературной утопии» (1993) утверждается, что в антиутопии присутствует спор с утопическим замыслом, то есть утопия и антиутопия противопоставлены друг другу, антиутопии пародируют уже существующие утопические концепции и идеи (Ланин 1993: 154). Термин «дистопия» полностью игнорируется исследователем, согласно его мнению, существует лишь эта дихотомическая система, что кажется нам странным, так как в исследовании В. А. Чаликовой, которое было опубликовано несколькими годами раньше, утверждается разграничение этих жанров, а соответственно и именуемых их терминов. Кроме того, интересен тот факт, что оба исследователя имеют одинаковый взгляд на основные характеристики жанра антиутопии.

Стоит отметить, что развитие мнения В. А. Чаликовой о четком разграничении антиутопии и дистопии мы можем наблюдать в целом ряде более поздних работ других ученых.

Как отмечает А. Ю. Смирнов, дистопия, в отличие от антиутопии, представляет собой художественную модель мира, отражающую деструктивные тенденции современного общества, но не дискредитацию утопического идеала, которая лежит в основе антиутопии (Смирнов 2005: 35). Структурно антиутопия и дистопия строятся на использовании и переосмыслении утопического канона, который утвердился в литературе начиная с XVI в. (Т. Мор «Утопия», Т. Кампанелла «Город Солнца», Ф. Бэкон «Новая Атлантида»), однако в них по-разному трансформируется содержательный аспект последнего. Утопический канон характеризуется следующими признаками: на семантическом уровне изображается модель

мира, которая должна служить образцом общественного устройства; на структурном уровне произведения существуют жесткая пространственно-временная организация, детерминация «автор-повествователь» и «герой-функция», а также отсутствует конфликт, так как воплощенный идеал не оставляет места ни внутренним, ни внешним противоречиям. При этом негативный пафос антиутопии направлен на развенчание самой возможности реализации такого проекта, поскольку попытка осчастливить все человечество делает несчастным каждого обитателя «лучшего из миров». Дистопия же в содержательном плане представляет собой воплощение антиутопического видения мира, реализованного без посредства самой утопической идеи (Смирнов 2005: 35).

Как утверждает А. Ю Смирнов., произведения дистопического содержания наследуют формальные признаки антиутопии и на рубеже XX-XXI веков становятся по сути единственными представителями антиутопического жанра (Смирнов 2005: 36). Главная причина такой тенденции заключается в том, что в последние десятилетия общество испытывает обеспокоенность возможностью осуществления тех утопических проектов, которые казались вполне реализуемыми в начале прошлого столетия. Во второй половине века эта возможность становится все более призрачной, что влечет за собой необратимые и непредсказуемые последствия (появление тоталитаризма в 1930-1950-е годы, угроза ядерной катастрофы в период Холодной войны и экологической катастрофы в 1980-1990-е, неоднозначность процесса глобализации, неконтролируемое развитие генной инженерии, проблема терроризма в 2000-х). Однако коммерциализация жанра дистопии немного изменила процесс его развития. А.Ю. Смирнов считает, что произошло «паразитирование на массовом психозе» ожидания глобальной катастрофы. Именно этим ощущением характеризуется общественное сознание на рубеже XX-XXI веков, именно по этой причине дистопия начинает все больше превращаться в обычное клонирование возможных кошмаров, которые могут ожидать человечество в будущем. (Смирнов 2005: 36)

Однако мы бы хотели не согласиться с мнением А. Ю. Смирнова и его высказыванием о том, что в XXI веке антиутопия почти полностью вытеснена дистопией. Свою точку зрения мы хотим продемонстрировать на кратком разборе известного романа Д. Эггерса «Сфера» («The Circle», 2013), который американская литературная критика восприняла как жесткую сатиру на современное нам информационное общество. Это произведение несет в себе ярко выраженные черты антиутопии (идея социальной «прозрачности» общества, реализуемая с помощью интернет-технологий, в частности, социальных сетей и новых разработок, которые обеспечивают постоянный контроль над всеми членами общества; по мнению разработчиков данной технологии, она позволит улучшить мир, полностью освободить его от преступности на всех общественных уровнях). По своей модальности и атмосфере это произведение является ярким примером антиутопии. Новые разработки, позволяющие обеспечивать тотальный контроль за всеми «сфероидами» (членами общества «Сфера»), воспринимаются людьми как нечто, что сделает мир идеальным, главная героиня романа, Мей Холланд, на своём примере показывает преимущества «прозрачного» существования. Модальность Д. Эггерса в романе абсолютно очевидна: он высмеивает утопическую идею создания идеального, прозрачного и максимально открытого общества при помощи системы тотального контроля, в этом нам видится антиутопический характер романа. Авторская позиция четко прослеживается в сюжетной линии с Мерсером, другом главной героини, который не хочет включаться в эту систему и трагически погибает, стараясь убежать от преследования сфероидов. На наш взгляд, смерть этого героя лишь предвещает будущую череду людей, которые не захотят становиться «прозрачными», что, безусловно, приведет к конфликту, но это лишь догадки читателей и исследователей, так как в финале романа чувствуется торжественный пафос перед массовым внедрением технологии тотального слежения, разработанной в компании «Сфера», в общество.

Однако наибольший интерес у нас вызвало мнение молодого российского философа А. А. Дыдрова, который настаивает на необходимости разделять жанры дистопии и антиутопии: «Существует значительное

различие между антиутопией и дистопией. Антиутопия является жанром, который включает в себе критику утопии или конкретного утопического проекта, тогда как в дистопии создается модель общества с комплексом ярко выраженных негативных отличительных признаков, зачастую доведенных до абсурда» (Дыдров 2, 2011). Данное мнение, на наш взгляд, является наиболее обоснованным, и в своем исследовании мы планируем ориентироваться на него в вопросе жанрового и терминологического разграничения понятий «антиутопия» и «дистопия».

На наш взгляд, четкая аргументация исследователя является решающим фактором в вопросе о разграничении рассматриваемых жанров. Вот как А.А Дыдров определяет дистопию в статье «Сценарии существования человека и техники в литературной дистопии»: «Дистопия обладает бесспорной гуманистической компонентой даже в том отношении, что создается человеком и для человека. Модели будущего «ужаса» и «абсурда» в идеале призваны заставить читателя задуматься уже здесь и сейчас о том, верную ли стратегию жизни он выбрал. И только в том случае, когда опасная тенденция будет пресечена, автор дистопии тоже посмотрит в будущее с надеждой» (Дыдров 1, 2011: 40). В свою очередь, антиутопия, по мнению Дыдрова, не только резко противопоставляется утопии, но и содержит критику утопических идей как таковых (Дыдров 2, 2011).

3. Особенности употребления терминов «антиутопия» и «дистопия» в западном литературоведении

Как отмечает исследователь А.Ф. Поломошнов в своей работе «Будущее человека в зеркале дистопии и антиутопии», в западном литературоведении термины «антиутопия», «дистопия», «какотопия» и прочее считаются синонимами (Поломошнов 2020: 22).

Однако согласиться с данной точкой зрения вряд ли возможно. Чтобы опровергнуть мнение А.Ф.Поломошнова, нам хотелось бы остановиться на монографии Грегори Клейса, «Дистопия: естественная история» («Dystopia: Natural History») и статье доктора филологических наук Кипрского университета Антониса Баласопоуса «Антиутопия и дистопия: переосмысляя

жанровую классификацию» («Anti-Utopia and Dystopia: Rethinking the Generic Field»), а также работах нескольких других зарубежных исследователей.

Например, американская исследовательница Александра Олдридж в статье 1978 года «Научное мировоззрение в дистопии» («The Scientific World-View in Dystopia») выделяет дистопию в качестве самостоятельного жанра и утверждает, что дистопия это не просто «утопия наоборот», но это «отдельная универсальная категория, появившаяся на основе изменений в отношении к утопии, которые произошли в 20 веке» (Aldridge 1984: 48). В своей работе она утверждает следующее: «The literary and philosophical tradition which in various ways generated the pure dystopias was the Utopian tradition» (Aldridge 1984: 48). Дистопия, по её мнению, была формой, которая во главу угла ставила отчуждающий эффект науки и технологии. Исследовательница делает вывод: «Dystopia is aimed to critique and ridicule that world view for its adherence to instrumental values, its elevation of functional and collective ends over the humanistic and individual» (Aldridge 1984: 50).

Ещё один литературовед, Уоррен Вагар, в работе «Финальное видение: литература конца» («Terminal Visions: The Literature of Last Things») (1982) также противопоставляет утопию и дистопию и считает, что последняя берет свое начало в конце 19 века, в период с 1890 по 1914 годы, когда изменения в психологическом климате общества отразили обеспокоенность людей относительно грядущего будущего. Однако Вагар отказывается от использования понятия «антиутопия» для обозначения отдельной жанровой категории (Wagar 1982: 112).

Как мы можем видеть, в вышерассмотренных нами исследованиях на Западе происходит отказ от термина «антиутопия» как такового, по этой причине исследователи начинают противопоставлять утопию (исторически более ранний жанр) и дистопию (жанр, который появился на основе утопии, но в итоге стал самостоятельным).

Итак, можно сделать вывод, что в западном литературоведении, к сожалению, так же как и в российском, отсутствует терминологическое единообразие.

Литературовед из Кипрского университета, А. Баласапоус, в своей статье «Антиутопия и дистопия: переосмысляя жанровую классификацию» предлагает собственную расширенную классификацию дистопий и антиутопий, обозначает их сходства и различия и описывает специфику каждой жанровой разновидности, подкрепляя свои научные наблюдения литературным материалом. Он выделяет 5 подвидов антиутопии и дистопии на основании проблем, затрагиваемых в текстах произведений, а также сюжетных, нарративных, пространственных и т.д. признаков произведений.

Следует отметить, что данное разделение тоже весьма условно, как пишет исследователь, нельзя воспринимать эти подкатегории как «чистые» или свободные от межвидовых интерференций или взаимовлияния. На наш взгляд, несмотря на то, что мы поддерживаем теорию о четком разграничении жанров дистопии и антиутопии и А. Баласапоус тоже её придерживается, однако, в данном исследовании некоторые положения о разграничении жанров кажутся нам недостаточно научно аргументированными. И исследователь сам часто указывает на переключки между теми категориями, которые он обосновывает в своей работе.

Однако обобщающие высказывания относительно жанрового и терминологического разграничения видятся нам обоснованными. Так, А. Баласапоус отличает дистопию от антиутопии на основании того, что в дистопии, по его мнению, акцентируется внимание на том, что критика реальности субъективна; дистопии более повествовательны по своей природе и обладают меньшей степенью аргументированности, по этой причине они не так часто облачаются в научно-популярную форму в отличие от антиутопий. По его мнению, дистопии часто относят к жанру научной фантастики, они также обязаны своим происхождением таким литературным жанрам как мелодрама и готика («both dependent on sensationalism and narrative shocks, and both capable of very different political and ideological valences, depending on context and varieties of reader response»), нежели разъяснительному стилю антиутопии, чья политическая валентность стремится к тому, чтобы быть откровенно консервативной (Balasapous 2016: 64).

В монографии Грегори Клейса «Дистопия: естественная история» (2016) автор почти полностью отказывается от применения термина «антиутопия» и лишь иногда говорит о том, что его можно использовать в качестве синонима к термину «дистопия» (производное прилагательное «антиутопический» применяется в монографии только для того, чтобы показать присутствует ли в дистопии высмеивание утопических идеалов, , что как мы помним, является отличительным признаком антиутопии теми исследователями, которые выделяют её в качестве отдельного жанра). Исследователь выделяет лишь жанр дистопии и показывает его развитие с течением времени. В монографии отмечается, что утопия в том виде, в котором мы знакомы с ней сейчас, обретает популярность лишь в конце 19 века, а дистопия в свою очередь появляется в процессе переосмысления тех же проблем, которые демонстрируются в утопии: «how to control industrialization, widespread poverty, the concentration of wealth, and an increasing tendency towards collectivist solutions to these issues» (Claeys 2016: 274). Таким образом, ученый отказывается от термина «антиутопия» как жанрового определения.

Итак, мы можем наблюдать тенденцию, что в западном литературоведении исследователи в большинстве случаев предпочитают отказываться от термина «антиутопия» и полностью заменяют его понятием «дистопия». Таким образом, мы можем видеть процесс вытеснения одного термина другим в научном дискурсе.

Заключение

Вопрос о терминологическом разграничении понятий «дистопия» и «антиутопия» остается открытым и актуальным как в России, так и на Западе, полемика по данному вопросу всё ещё продолжается. Часть исследователей предпочитает использовать термины как синонимичные понятия (Б. Ланин, А. Ф. Поломошнов), другие четко разграничивают данные термины (А. Баласапоус, А. А. Дыдров), третья группа исследователей вовсе отказывается от использования термина «антиутопия» (Г. Клейс, А. Олдридж, У. Вагар).

На наш взгляд, более целесообразно будет разграничивать понятия «антиутопия» и «дистопия», а отказ от термина «антиутопия» в российском

литературоведении представляется нам невозможным, так как этот термин используется в отечественном дискурсе намного дольше, чем термин «дистопия».

Мы предлагаем следующие дифференцирующие рабочие определения интересующих нас понятий. Антиутопия представляет собой пародирование, высмеивание и/или искажение утопических идеалов, демонстрацию их не реализуемости и несостоятельности, в то время как дистопия является изображением страшного мира, в котором присутствует элемент катастрофы (ощущение неминуемого конца), которая уже произошла и/или произойдет в ближайшем будущем.

Библиография:

1. Дыдров А. А. (2011): Сценарии существования человека и техники в литературе дистопии. «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики», № 4, с. 40 – 42.

2. Дыдров, А. А. (2011): Человек будущего в утопиях и дистопиях (философско-антропологическая интерпретация): автореф. дис.. кандидата философских наук: 09.00.13, Текст: электронный. – URL: www.dissercat.com/content/chelovek-budushchego-v-utopiyakh-i-distopiyakh , (дата обращения: 30.11.2020).

3. Ланин Б. А. (1993) Анатомия литературной антиутопии. Общественные науки и современность, № 5, с. 154 – 163.

4. Морсон Г. (1991): Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр. Москва, Прогресс, «Утопия и утопическое мышление». – URL: <http://chalikova.ru/g-morson-graniczyi-zhanra.html> , (дата обращения: 6.12.2020)

5. Поломошнов А. Ф. (2020): Будущее человека в зеркале дистопии и антиутопии. «Вестник Донского государственного аграрного университета» №1–2 (35), с. 22 – 31.

6. Смирнов А. Ю. (2005): Антиутопия в парадигме современного литературоведения. «Вестник БГУ. Сер. 4. Филология. Журналистика. Педагогика», №3, с.32 – 36.

7. Чаликова В. А. (1985) Утопический роман: жанровый и автобиографические источники современных антиутопий и дистопий. Москва, Социокультурные утопии XX века. – URL: <http://chalikova.ru/zhanrovnye-i-avtobiograficheskie-istochniki-sovremennykh-antiutopij-i-distopij.html> , (дата обращения: 6.12.2020).

8. Aldridge A. (1984): The Scientific World-View in Dystopia, UMI Research Press, 1984.

9. Balasopoulos A. (2011) Anti-Utopia and Dystopia: Rethinking the Generic Field. «Utopia Project Archive», p. 59 – 67.

10. Claeys G. (2016): Dystopia: A Natural History, Oxford University Press, 2016.

11. Wagar W. (1982): Terminal Visions: The Literature of Last Things, Indiana University Press, 1982.

Problem of terminological differentiation of the concepts “utopia”, “dystopia” and “anti-utopia” in Western and Russian literary criticism